

Условия влияния правового дискурса на формирование представлений о социальном порядке: лингвистический и логический аспекты

Марина Пантыкина

Доктор философских наук, доцент, руководитель по научно-образовательной деятельности гуманитарно-педагогического института, Тольяттинский государственный университет
Адрес: Белорусская ул., 14, Тольятти, Самарская область, 445020 Российская Федерация
E-mail: pantikina@tltsu.ru

В статье исследуются условия влияния правового дискурса на формирование представлений о социальном порядке в контексте конфликтогенной современной правовой политики, провоцирующей «глобальный хаос» (З. Бауман). Специфика этого влияния определяется типами правового дискурса, а также лингвистическим и логическим аспектами правовой коммуникации. В первой части статьи даются дескриптивные определения понятий правового дискурса, социальных представлений и социального порядка, уточняются отношения между ними. В результате тезаурусного анализа систематизируются подходы к данным социальным явлениям, в зависимости от типа правового дискурса (институциональный (юридический) и неинституциональный), выявляются основные направления его влияния на формирование представлений о социальном порядке. Во второй части статьи представлен лингвистический аспект влияния на представления о социальном порядке в контексте присущих ему языковых функций: смыслообразования, нормативной и конструктивной функции, формализации и функции «отменяемости» правовых понятий. В третьей части доказывается положение о том, что содержание правового дискурса определяется выбором логической стратегии, которая задает конкретные условия формирования представлений о социальном порядке. Так, модернистскому варианту соответствует классический правовой дискурс, подчиненный формальной логике. Неклассический и постструктуралистский дискурсы направлены на критику аристотелевской логики и предлагают варианты семантической логики: логику отношений (А. Кауфманн) и логику эквивалентностей и различий (Э. Лаклау, Ш. Муфф). В частности, теоретико-методологические возможности логики эквивалентностей и различий применяются при анализе примеров либерального правового дискурса 1990-х гг., а также демонстрируются последствия его влияния на формирование представлений о современном мировом порядке.

Ключевые слова: правовой дискурс, социальные представления, социальный порядок, языковые функции, логика отношений, логика различий, логика эквивалентности

В последние десятилетия под влиянием социальных, политических и экономических процессов происходит существенная трансформация как правовых систем отдельных государств, так и международного права. К наиболее значимым изменениям следует отнести широкое внедрение цифровых технологий, развитие судейского права и медиации, усиление значимости прецедентных текстов «мягкого права», признание информационных и соматических прав в качестве нового поколения прав человека, легитимация одностороннего применения в международном праве санкционных режимов и моратория законов. Ряд правовых инноваций уже нашли отражение в нормативно-правовых актах, однако большая их часть, в силу своей многофакторности,

является предметом сложных дискуссий между различными участниками правовой коммуникации. При этом остаются недостаточно исследованы соответствующие ей характеристики правового дискурса, а также условия и основные аспекты его влияния на формирование представлений о социальном порядке.

Решение обозначенных проблем позволит выяснить значение правового дискурса в анализе и оценке изменений, происходящих в современном праве, а исследование механизмов его воздействия на представления о социальном порядке даст возможность укрепить статус права как социального института с высокой степенью социальной ответственности. Актуальность этой проблематики обусловлена распространением правонарушений, узаконенных на государственном и международном уровнях, что подрывает общественные устои и формирует представление о всеобъемлющем характере социального хаоса и правового беспредела. Как отмечал З. Бауман, современный «глобальный хаос» и связанные с ним процессы могут быть описаны как «представляющиеся самопроизвольными, стихийными и беспорядочными, процессы, происходящие помимо людей, сидящих за пультом управления, занимающихся планированием и тем более принимающих на себя ответственность за конечные результаты» (Бауман, 2005: 43). Эти процессы «усугубляют небезопасность вместо того, чтобы бороться с ней, и ускоряют дезинтеграцию нормативно регулируемого порядка» (Там же: 43, 46).

Учитывая сложность современного контекста реализации дискурсивной правовой практики, в предлагаемом исследовании анализируются условия формирования представлений о социальном порядке посредством решения следующих вопросов:

1) Почему правовой дискурс следует считать определяющим фактором формирования представлений о социальном порядке?

2) Какие функции выполняют языковые формы правового дискурса в формировании представлений о социальном порядке?

3) Существует ли логика, релевантная специфике правового дискурса, и какова ее роль в конституировании и актуализации представлений о социальном порядке?

Поиск ответов на эти вопросы позволяет обосновать положение о том, что правовой дискурс определяет лингвистический и логический параметры правовой коммуникации и, в зависимости от типов правового дискурса, задает направления влияния на формирование представлений о социальном порядке. Доказательство данного тезиса основывается на критическом анализе теоретического наследия социологии знаний П. Бергера и Т. Лукмана, теории социальных представлений С. Московичи, аналитической философии права Г.-Л. Харта, логики отношений А. Кауфманна, логики эквивалентности и различий Э. Лаклау и Ш. Муффа.

Правовой дискурс, социальные представления и социальный порядок: терминологическое обоснование

Решение вопроса о влиянии правового дискурса на формирование представлений о социальном порядке требует установления семантических границ понятий

правового дискурса, социальных представлений и социального порядка, а также уточнения отношений между ними. Необходимость тезаурусного анализа обусловлена многозначностью этих понятий, которая влечет за собой различные теоретические трактовки.

В предлагаемом исследовании под правовым дискурсом понимается совокупность форм правовой коммуникации по вопросам норм, ценностей и принципов права, определяющих стабильность социального порядка¹. Однако это не исключает правомерность иных дефиниций². Что касается понятия «социальный порядок», то его следует определить как состояние общественной жизни, характеризующееся структурированностью, устойчивостью и регулярностью воспроизводства социальных практик. Это понятие имеет статус деонтологической категории, выражающей представления о должном, объективно необходимом условии существования общества³. Подобная позитивная оценка социальной тотальности наиболее последовательно представлена в неомарксизме и структурном функционализме. Несмотря на присущие им различия в понимании тотальности общественной жизни, эти направления объединяет склонность к объективизму и признание идеи целостности, предполагающей взаимосвязь целого и части. Так, например, классик неомарксизма Д. Лукач утверждал, что социальные процессы в результате взаимодействия синтезируются в большие объединения, в тотальности. Причем в силу природы вещей «этот синтез усиливается и качественно изменяется в общественном бытии» (Лукач, 1991: 238). Дополняя эту позицию, представитель структурного функционализма Т. Парсонс акцентировал внимание на нормативной функции, обеспечивающей целостность социальных объединений и систем. Он писал, что «ядром общества как системы является структурированный нормативный порядок, посредством которого организуется коллективная жизнь населения. Как порядок, он содержит ценности, дифференцированные и специфицированные (particularized) нормы и правила...» (Парсонс, 1993: 102). Кроме того, каждая из этих авторитетных теоретических позиций раскрывает «ядерное» значение социального порядка с помощью понятий «социальный институт», «стабильность», «функциональное равновесие», «социальная система», «социальная структура», а их содержание интерпретируется в аспекте обобщенного представления о рационально организованном, нормативно регулируемом, стабильном обществе, подчиняющемся объективным историческим и социальным законам.

Второй подход к пониманию социального порядка (связываемый обычно с именами Ж. Бодрийяра, З. Баумана, У. Бека, Дж. Урри и др.) развивается в рамках постструктуралистских социальных теорий и, в отличие от первого, ставит

1. См. подобное понимание правового дискурса: Виноградов, 2018: 124–129; Волков, 2019: 28–36; Гарашко, 2020: 19–23 и др.

2. См. обзор подходов к определению понятия правового дискурса: Батюшкина, 2022: 7–26; Хомутова, Шефер, 2019: 44–53.

3. См. обзор определений понятия социального порядка: Попов, Мартыненко, Мартыненко, Карпова, 2023: 150–159.

под сомнение непреложную необходимость социальной тотальности. Так, Эрнесто Лаклау утверждает, что прежние социальные теории представляли структурную тотальность как «объект, обладающий собственной позитивностью, который можно было бы описать и определить. В этом смысле эта тотальность служила основополагающим принципом постижимости социального порядка. Статус этой тотальности был статусом сущности социального порядка, которая должна была узнаваться за эмпирическими колебаниями, проявляющимися на поверхности социальной жизни. ... Вопреки этому эссенциалистскому представлению, ныне мы склонны признавать бесконечность социального, то есть то обстоятельство, что всякая социальная система ограничена, что ее всегда окружает “избыток значения”, которым невозможно овладеть, и, следовательно, что “общество” как единый и постижимый объект, на котором основаны его частные процессы, невозможно» (Лаклау, 2003: 55). Негация тотальности социального и связанного с ним эссенциалистского представления о социальном порядке не означает отрицание локального порядка. По мнению Лаклау, функцию сохранения последнего выполняет дискурс, поскольку он позволяет, хотя бы временно, зафиксировать идентичности в той или иной форме социальности. При этом «социальное должно отождествляться с бесконечной игрой различий, то есть с тем, что в самом строгом смысле слова мы можем назвать дискурсом — при условии, разумеется, что мы освобождаем понятие дискурса от его ограниченного значения как речи и письма» (Лаклау, 2003: 55). Как видим, для постструктуралистских социальных теорий характерен отказ от идеи социального порядка как онтологического и аксиологического основания обществ эпохи модернизма. Появление современного общества потребления и «молчаливого большинства» (массы) закрывает проблему социальности, а представления о социальном порядке, вытесняясь на периферию общественного сознания, замещаются понятиями глобального хаоса, мобильности, неопределенности и бесконечности.

Несмотря на существующие различия подходов к определению понятия социального порядка, оно по-прежнему входит в систему семантических координат «социальный порядок (согласие) — социальные изменения (конфликт)», что обуславливает устойчивость научного интереса к социальному порядку как явлению.

Обращаясь к вопросу формирования представлений о социальном порядке, следует уделить внимание понятию «социальное представление», которое имеет множество определений, разработанных в различных теориях⁴. Для решения задач данного исследования наибольший интерес вызывает концепция С. Московичи, который утверждал, что социальные представления содержатся в таких ментальных состояниях, как убеждения, идеологические взгляды, знания (Московичи, 1995: 5), и выполняют следующие функции:

---

4. См. обзор и анализ теорий и методологических подходов к исследованию социальных представлений: Бовина, Дворянчиков, Мельникова, Лаврешкин, 2022: 8–25.

- 1) представления как ценности придают смысл власти и социальным интересам;
- 2) представления как убеждения обеспечивают сплочение индивидов;
- 3) представления как знания и технологии, будучи превращенными в убеждения, выполняют функцию значимой принудительной силы;
- 4) в представлениях социальные акторы, явления и процессы репрезентируются таким образом, что социальный универсум осознается как консенсусный.

Перечень выявленных Московичи функций показывает, что социальный порядок, несмотря на все турбулентности современной общественной жизни, сохраняет за собой статус базового референта социальных представлений. Благодаря последнему в них генерируется и сохраняется идеальная модель общества, описывается последовательность событий, категоризируются социальные явления и процессы, формируются сценарии социальных ожиданий.

Для анализа лингвистического аспекта проблематики исследования значимой является мысль Московичи о том, что социальные представления — это предпосылки непроблематичной коммуникации, которые, будучи разделенными среди участников коммуникации, определяют структуры языка. Он подчеркивал, что «социальные представления... формируются через взаимные влияния, через имплицитные переговоры, по ходу которых люди обязывают себя к особым символическим моделям, образам и разделяемым ценностям. Делая это, они приобретают и некий общий репертуар интерпретаций и объяснений, правил и процедур, которые могут применять в повседневной жизни» (Московичи, 1995: 5).

Анализ понятий правового дискурса, социального порядка и социальных представлений требует установления семантических отношений между ними. Для этого следует выявить способы формирования представлений о социальном порядке в зависимости от разных видов правового дискурса: институционального и неинституционального. Они различаются между собой по степени их интегрированности в процедуры правового регулирования и, как следствие, оказывают разное влияние на формирование представлений о социальном порядке.

Термин «институциональный правовой дискурс» в научной литературе нередко заменяется синонимом «юридический дискурс» и обозначает «статусно-ориентированное взаимодействие его участников в соответствии с системой ролевых предписаний и норм поведения в определенных правом ситуациях институционального общения» (Палашевская, 2010: 535). Такое понимание юридического дискурса основано на анализе юридических текстов и практики правоприменения, имеет в виде внешней смысловой рамки официально установленные правовые нормы. В качестве его параметров принято выделять набор типичных для сферы правового регулирования ситуаций общения; типичные модели коммуникативного поведения при исполнении определенных социальных ролей; тематику общения, определяемую особым набором задач и вытекающих из них коммуникативных стратегий (Косоногова, 2015: 63).

Одна из основных функций юридического дискурса состоит в том, чтобы выделять и нормативно фиксировать социальные позиции. М. Фуко писал, что хотя дискурс порожден социальными порядками как структурами подчинения, он сам является собой систему запретов, разделения и отбрасывания участников коммуникации (или конфликта) (Фуко, 1996: 52). Поэтому юридический дискурс воздействует на их социальные представления о социальном порядке следующими способами:

1) он включен в процедуры правового регулирования и поэтому содержит в себе «формулу» прав и обязанностей, на основании которой формируются представления о социальном порядке;

2) так как юридический дискурс представлен прецедентными текстами, то их логический анализ и содержательная интерпретация оказывают влияние на представления о социальном порядке;

3) социальные представления являются разновидностью дискурсивного мышления, а юридический дискурс предусматривает языковые формы их выражения (устные и письменные тексты), поэтому в своем единстве они образуют конфигурацию коммуникации, в ходе которой устанавливается нормативная значимость событий и процессов в соответствии с требованиями права как коррелята социального порядка;

4) юридический дискурс формирует легитимные представления о социальном порядке, в частности тем, что ограничивает коммуникативные стратегии его участников, исключает несоответствующие юридической технике источники информации, лексико-фразеологические и стилистические языковые средства, а также логические выводы.

Институциональный правовой дискурс является важнейшим элементом правового регулирования. Ему, как и правовой системе в целом, вменяется социальная ответственность за стабильность и благополучие в обществе. Н. Луман подчеркивал, что нормативная закрытость правовой системы обусловлена тем, что «нет никакого другого общественного авторитета, который может объявить, что законно, а что незаконно» (Luhmann, 2004: 100). Поэтому при любом толковании закона и его применении следует учитывать возможные результаты: не только в виде будущих решений, но в гарантированности контроля фактических последствий в социальной реальности (Luhmann, 2004: 180). В этом контексте регламентирующая юридический дискурс юридическая техника может быть определена как условие его устойчивого операционального воспроизводства с целью достижения консенсуса ненасильственными методами.

Юридическому дискурсу присущи семантические оппозиции, которые обуславливают различные социальные противоречия: «правомерное/неправомерное», «разрешено/запрещено». В условиях социального кризиса, еще более обостряющего процессы дифференциации, различия указанных бинарных оппозиций усиливаются. В результате «широкие круги населения не включаются в систему права, так что не может утвердиться (или утверждается лишь очень ограниченно)

код «правовое/неправовое», присущий правовой системе. Соответственно, нельзя положиться на то, что программы правовой системы (законы, в том числе и конституционные) действительно регулируют соотношение кодов правового и неправового с фактическими обстоятельствами; и хотя это в значительных объемах все же и происходит, но происходит именно соразмерно включению/исключению» (Луман, 2004: 117). Собственно, закрытостью правовой системы объясняется то, что институциональный правовой дискурс не всегда быстро и адекватно реагирует на социальные конфликты и трансформации.

Специфика неинституционального правового дискурса состоит в том, что он упрощает выявление динамических процессов общественной жизни, имеющих юридические последствия. Это связано с тем, что он «формируется и существует на основе межинституциональных дискурсов, интегрирующих членов различных социальных групп в единый социум с общей культурой, общими нормами, общими ценностями, он основывается на ценностях и принципах нескольких культурных институтов, наиболее значимыми из них являются экономика, религия, политика» (Федулова, 2015: 53). А анализ его содержания и структуры предполагает широкий спектр социально-гуманитарных знаний: правоведения, истории, лингвистики, социальной психологии, экономики, политологии и др.

Кроме того, неинституциональный правовой дискурс особым, отличающимся от юридического дискурса образом влияет на формирование представлений о социальном порядке. В частности, ему свойственно следующее:

1) неинституциональный правовой дискурс выполняет аксиологическую функцию, благодаря которой нормы и ценности фундируются в общественном сознании как базовые социокультурные идеи, а представления о социальном порядке связываются с принципами гармонии (подлинности, оптимальности, согласованности, уместности); социальной необходимости, обнаруживаемой в единстве правовой закономерности и правовой воли; организованности или подчинения общественных отношений совокупности правовых целей, условий, имеющихся правовых средств и норм; упорядоченности, выражающейся в последовательности и связности правовых фактов, ситуаций и действий субъекта права (Малахов, 2002: 134–136);

2) неинституциональный правовой дискурс влияет на представления о социальном порядке через формирование в процессе коммуникации определенного семантического поля и обоснование принципов его категоризации⁵;

3) поскольку «определение истины, ориентированное на успех, является подчиненным и вторичным по отношению к определению того, что является законным доказательством в социальной группе, обществе или культуре» (Wagner, 1996: 104),

---

5. Пример анализа такого влияния в монографии М. В. Батеевой. В этой работе появление в эпоху Нового времени таких категорий, как «юридическая личность», «общественный договор» и других юридических метасубъектов, объясняется культивированием церковью и римским правом универсального понимания государства как «целого», под которым понимались абстрактные «все» (Батеева, 2013: 84–90).

то в правовом дискурсе устанавливаются условия релевантности представлений о социальном порядке, а любые их проявления становятся дискурсивным феноменом⁶;

4) формирование представлений о социальном порядке обеспечивается перформативной функцией правового дискурса, учреждающей «приемлемые формы коммуникативной практики, способы коммуникативной адресации (т.е. нормы коммуникативного поведения)» (Федулова, 2015: 54), а также формирующей легитимность и привлекательность «для общества как основных институтов права, так и его агентов, но прежде всего — поддержание непреложного авторитета самих норм» (Там же: 55).

Итак, предложенные определения понятий «правовой дискурс» (в его институциональном и неинституциональном аспектах), «социальные представления» и «социальный порядок», а также дескрипция отношений между ними позволяют установить семантическое пространство заявленной проблематики. Далее следует обратиться к выявлению и анализу лингвистического и логического ее аспектов, которые уже частично содержатся в представленных рассуждениях.

О влиянии правового дискурса на представления о социальном порядке: лингвистический аспект

Проблема обусловленности представлений о социальном порядке правовым дискурсом предполагает выделение двух аспектов ее исследования. Первый из них соответствует положению о том, что правовой дискурс является языковым образованием и поэтому его следует изучать с лингвистической точки зрения. Второй аспект — логический, предполагает акцентирование внимания на логических формах и структурах, лежащих в его основании. Подчеркнем, что противопоставление лингвистического и логического аспектов не исключает их содержательно-генетического единства, но позволяет обратиться к более детальной тезаурусной проработке заявленной проблематики, а также структурировать ее исследование. Примечательно, что К. Варга именно язык и логику определяет в качестве форм существования права как такового. Он пишет: «Для того чтобы ответить на поставленные вопросы, относящиеся ко всем юридическим обычаям и классификациям, нужно решить следующие задачи. Во-первых, рассмотреть, в полной ли мере право воплощается в существующих письменных сводах... Во-вторых, определить, концептуализировано ли право в лингвистическом носителе, т.е. являются ли использованные слова одновременно системными и таксономическими единицами в смысловой структуре, построенной

6. В этой связи интересен опыт анализа семантической сети понятия «преступник» в швейцарском Уголовном кодексе версий 1942 и 1990 гг., представленном в статье Я. Энгберга. Различия между ними состоят в исключении из новой версии таких признаков, как обстоятельства жизни и личность преступника, и замена их на квалификацию преступления и отношение к мотивам. С привлечением массива эмпирических материалов автор доказывает, что такое изменение явилось результатом широкой дискуссии с участием юристов и общественности (Engberg, 2010: 48–63).

на различных уровнях обобщения с требованием полной завершенности, или же лингвистическое выражение служит единственной цели — сделать возможным процесс передачи информации... В-третьих, установить, возникает ли в ряде последовательных мыслительных операций, направленных на достижение взаимного отражения норм права и фактов... решение, подлежащее принудительному исполнению как его логическому следствию... либо логика остается фактически только на заднем плане, выполняя лишь контрольную функцию, если вообще играет какую-то роль» (Варга, 2011: 19).

Необходимость обращения к лингвистическому аспекту обусловлена тем, что языковые средства коммуникации являются «материей» правового дискурса. Они определяют не только наше понимание социальной реальности, но и в качестве символических систем непосредственно включены в ее конструирование. При этом влияние дискурса как языкового образования на социальную реальность осуществляется опосредованно, проходя через структуры общественного сознания, в том числе в результате конституирования социальных представлений. Данная особенность дискурса является основополагающей и обнаруживается благодаря присущим ему функциям.

Так, Дж. Серль выделял следующие функции языка, которые в полной мере относятся и к правовому дискурсу:

- 1) функция наделяния институциональных фактов социальными значениями;
- 2) функция объявления (декларации) значений в качестве существующих в определенном статусе;
- 3) функция установления границ (различий) между представлениями о них.

Выделение этих функций основано на том, что без языка могут существовать только долингвистические интенциональные состояния, такие как желания и убеждения с их диспозициями. В тех же случаях, когда надо признать обязательство обязательством, необходимо иметь понятие обязательства. А для этого нужно уметь представлять нечто как обязательство чего-то, что обуславливает действия, не зависящие от каких-либо склонностей и желаний. При этом не обязательно иметь само слово «обязательство» или его синоним, но должен быть достаточно богатый понятийный аппарат, чтобы представлять его деонтологию (Searle, 2010: 95–96). Поскольку функции, выделенные Дж. Серлем, позволяют представить этапы конституирования значений понятий, то их можно объединить общим названием — функция смыслообразования.

Следующая функция — нормативная, она определяется тем, что «язык — это не просто совокупность традиционно используемых символов; это система символов, значение которых соответствует определенному коду... Лингвистический код является нормативной структурой, параллельной той, которую составляют социетальные ценности и нормы. Эту структуру вполне можно рассматривать как специфический случай норм...» (Парсонс, 1993: 113). В этом контексте дискурс оказывает влияние на представления о социальном порядке тем, что его структуры упорядочивают, ограничивают и обеспечивают повторяемость социальных

взаимодействий по поводу образований социального пространства: институтов, фактов, условий и отношений.

В социологии знания П. Бергера и Т. Лукмана социальный порядок определяется в качестве непрерывного человеческого производства, в отношении которого язык выполняет конструктивную функцию. Последняя проявляется в том, что язык предоставляет возможность непрерывной объективации опыта и знаний, а также типизирует их, «позволяя распределить их по более широким категориям, в терминах которых они приобретают значение не только для меня, но и для других людей» (Бергер, Лукман, 1995: 67–68). Таким образом, в семантике языка постепенно накапливается запас представлений о социальном порядке, передающийся от поколения к поколению. А поскольку «внутренняя нестабильность человеческого существования вынуждает его к тому, чтобы человек сам обеспечивал стабильное окружение для своего поведения» (Бергер, Лукман, 1995: 89), то язык следует рассматривать как важнейшее условие его создания и воспроизводства.

В процессе языкового конструирования социального порядка Бергер и Лукман выделяют несколько этапов. Включению в этот процесс подлежат только те социальные действия, которые обладают способностью повторяться, а случайные — выбраковываются. По мере воспроизводства первые хабиитуализируются, то есть сначала становятся привычными, а затем превращаются в образцы. В повседневной языковой практике последние выражаются с помощью сленга, речевых стереотипов и штампов. В результате устойчивые языковые образования становятся практически целесообразными или нормальными и создают предпосылки для перехода к следующей фазе — институционализации, которая является результатом «взаимной типизации деятелями привычных действий» (Бергер, Лукман, 1995).

По мере усложнения общественной жизни имеющиеся представления о социальном порядке сегментируются и закрепляются за конкретными типами акторов со специфически-ролевыми знаниями, которые становятся основанием приписывания разным акторам различных «комплектов» прав и обязанностей. Последние, с одной стороны, ограничивают притязания акторов, а с другой — создают условия для их конкурентной борьбы. Как следствие, возникает проблема легитимации разных типов институциональной деятельности, которая разрешается появлением множества смысловых подуниверсумов. Их специфика определяется тем, что они «обслуживаются» разными языковыми средствами объективации специфически-ролевого знания, то есть отличающимися категориями, понятиями, формулами и пр. Одной из разновидностей такого подуниверсума является право с соответствующим ему правовым дискурсом.

Представленные языковые функции являются общими, свойственными любому дискурсу. Поэтому они должны быть дополнены функциями, характеризующими специфику правового дискурса. В частности, нельзя забывать о юридической технике, которая наделяет правовой дискурс функцией формализации. С. Н. Касаткин отмечает, что «...юридическая техника... важна как аппарат рационализации юридической деятельности, обеспечения ее результативности и одновре-

менной сообразности принятым в сообществе целям и принципам права. Одной из ключевых целей юридической техники (и, соответственно, параметров ее оценки) традиционно провозглашается гарантирование определенности правового регулирования, точности его формы, языка, нормативно-регулятивных средств» (Касаткин, 2023: 53). Другими словами, юридическая техника определяет границы правовой системы за счет табуирования любых попыток нарушения обоснованности нормотворчества и правоприменения. А достигаемая таким образом логическая выверенность правовых понятий и регламентированность юридического тезауруса имеют непосредственное отношение к обеспечению стабильности правовой системы и, следовательно, к устойчивости социального порядка в целом. В частности, убеждение в наличии данной связи объясняет стремление представителей классического направления аналитической юриспруденции Дж. Остина, Г. Кельзена и У. Хофельдома «выявить ядро правовой системы и кодифицировать его с помощью четко выраженного списка определений юридических понятий» для того, чтобы «единообразно понимать и толковать различные решения по сходным с точки зрения использования правовых терминов случаям» (Оглезнев, Суровцев, 2013: 137).

Если исходить из того, что правовой дискурс представляет собой открытую коммуникацию и высказывания «по вопросам правовой действительности, основными функциями которых выступают предписание, убеждение, провозглашение и информирование» (Волков, 2019: 34), то используемый в нем юридический язык не предполагает обязательное следование формальным, императивно-регулятивным требованиям юридической техники. Более того, правовой дискурс является той коммуникативной средой, в которой формируются предпосылки для актуализации содержания юридических понятий или для их «отменяемости» (Г. Л. А. Харт) вследствие изменения условий их применения.

Думается, что «отменяемость» правовых понятий следует считать еще одной функцией правового дискурса. Правомерность выделения этой функции может быть доказана в результате анализа конкретных случаев применения юридических терминов в правовом дискурсе. Один из примеров такого анализа представлен в публикации Е. В. Тимошиной, в которой содержится богатый фактологический материал, позволяющий выявить этапы деконструкции семьи и брака как фундаментов традиционных представлений о социальном порядке средствами юридического (законотворческого) дискурса. В частности, автор пишет о том, что в ст. 12 Европейской конвенции по защите прав человека и основных свобод [далее — Конвенция], принятой в 1950 году, правом вступать в брак и создавать семью наделяются мужчина и женщина. Однако в 2002 году Европейский суд по правам человека обратил внимание на необходимость пересмотра соответствующей статьи Конвенции. А последующие годы уже ознаменовались множеством судебных решений, устанавливающих обязательство юридического признания однополых союзов, право усыновления детей лицами гомосексуальной ориентации и свободу сексуального самоопределения (Тимошина, 2023: 137–140).

Анализ фактов, представленных в статье, позволяет реконструировать процесс легитимации нетрадиционных представлений о семейных и брачных отношениях. Сначала судебные инстанции, ссылаясь на нестандартность правовых случаев, «смягчают» ограничения юридической техники, «отменяют» устоявшиеся юридические термины, вводят новые понятия. Затем сложившееся из этих составляющих содержание юридического дискурса становится основой правотворческой деятельности. В итоге система норм, созданная судебским правом, публично распространяется средствами институционального и неинституционального правового дискурса и легитимизируется как наиболее правильное отражение реальных изменений устоев общественной жизни.

Возвращаясь к исследованию функции «отменяемости» правовых понятий, следует обратить внимание на аномалии правовых терминов, которые, по мнению Г. Харта, определяют специфику юридического языка. Во-первых, им нельзя поставить в соответствие аналоги в мире фактов. Поэтому, в отличие от слов, являющихся названиями предметностей эмпирического мира, содержание правовых понятий устанавливается с учетом обстоятельств их применения в правовом дискурсе. Во-вторых, правовые понятия далеко не во всех случаях могут быть соотношены с общим понятием с ясным содержанием, поэтому им сложно дать родовидовые определения. Если такие определения все-таки получается произвести, то они не всегда проясняют положение дел. В-третьих, открытость, вариативность и разнообразие пограничных ситуаций правового дискурса зачастую приводят к тому, что смысловое пространство правовых понятий нельзя ограничить необходимыми и достаточными условиями. Например, в отношении имущественного права «отменяемость» правовых понятий означает, что оно «подлежит прекращению или “отменяется” при ряде различных случайных обстоятельств, но остается неприкосновенным, если таких непредвиденных обстоятельств нет. Таким образом, в этом смысле договор — отменяемое понятие» (Харт, 2017: 31). Как видим, область применения функции «отменяемости» правовых понятий определяется высказываниями о фактах, которые «подтверждают или опровергают правовые выводы, и тем самым интерпретируют фразы, используемые юристами для связи между фактом и законом, когда последние говорят о “правовом результате или последствиях фактов”, “правовом заключении, выведенном из фактов” или о “последствиях, приписанных фактам”» (Харт, 2017: 38).

К вопросу о границах «отменяемости» правовых понятий Харт возвращается в своих работах 1950–1960-х годов в связи с дискуссией о статусе нацистских законов в послевоенной Германии, а также вызванной ею критикой судебного права. Нестандартность обстоятельств этой дискуссии обусловлена тем, что она продолжалась до конца 1950-х годов, несмотря на то, что нацистская правовая доктрина, основанная на антигуманном «естественном праве расы, крови и почвы», требовала незамедлительного разоблачения и устранения. Более того, вплоть до этого времени имели место правовые коллизии, свидетельствующие о косвенном оправдании государственных преступлений фашистского режима. В частности, «в кон-

це 1953 года ФКС [Федеральный конституционный суд. — *Прим. авт.*] Германии вынес решение, согласно которому... капитуляция Германии была не просто сменной государственной формы, но уничтожением конституции Рейха (параграфы 86 и 88 решения), отношения государственной службы лиц, ставших служащими при нацистском режиме, прекратились в день капитуляции. Новый же формат государственной службы стоит на «традиционных принципах профессионального чиновничества» (статья 33 ОЗ), а потому не имеет отношения к государственной службе нацистского режима (BVerfG, 17.12.1953 — 1 BvR 147/52). ...В пику данному решению ФКС Большая палата по гражданским делам Федерального суда приняла решение, в котором указала, что нацистский режим не затронул государственной службы, а оценка, данная ФКС, является не правовым, но исторически-ценностным суждением» (Кондуров, 2023: 100–101).

Наряду с этими спорными решениями широкое применение в правовом дискурсе имела известная формула Г. Радбруха, согласно которой действительность легальных норм зависит от того, насколько правоприменительным органам удастся в своих решениях и постановлениях уравновесить строгое следование «писаному праву» с априорными принципами элементарной справедливости. Эта формула неоднократно использовалась судебными инстанциями послевоенной Германии. В результате часто выносились судебные решения применительно к каждому отдельному случаю, обстоятельствам, или, как заявляли сами судьи, «руководствуясь сущностью права», которая полагалась выше позитивного права.

Различные позиции в отношении способов преодоления наследия нацистского права явились причиной дискуссии о соотношении права и морали, в ходе которой Харт скорректировал свой подход к вопросу об отменяемости правовых понятий, акцентировав внимание на ее ограничениях. В частности, им была выявлена неоднозначность формулы Радбруха. С одной стороны, ее применение в практике немецких судов позволило военным преступникам, бывшим нацистским доносчикам и шпионам понести заслуженное наказание (Харт, 2005: 127). А с другой стороны, порочность постулата о том, что идея *Recht's* (законности) должна быть обогащена фундаментальными принципами гуманистической морали латентно содержит допущение отмены понятий законности и правопорядка. Так, известную фразу юспозитивизма «Право есть право» можно рассматривать как квинт-эссенцию формализма и подвергать ее в этом качестве критике, но это не значит, что юристы и судьи должны отказаться от своих обязанностей применять законы.

В своей поздней работе «Понятие права» (1961) Харт возвращается к вопросу о моральной нейтральности права и уточняет отличительные особенности правового дискурса. Прежде всего, для него язык права — это язык правил, которые должны быть основным средством социального контроля и обеспечения социального порядка. В этом аспекте предназначение правового дискурса состоит в том, чтобы сообщать общие образцы поведения. В свою очередь, закон должен доводить информацию о классах лиц и классах «действий, вещей и обстоятельств, и его успешное действие в обширных областях социальной жизни зависит от широко

распространенной способности признавать частные действия, вещи и обстоятельства как примеры общих классификаций, которые проводит закон» (Харт, 2007: 127).

При этом правовой дискурс должен транслировать все виды правил. Так, первичные правила, или правила-обязательства, относятся к определенной социальной группе и предписывают ей что-либо делать или воздерживаться от действий под угрозой санкций (Там же: 86). Поскольку толкование и применение первичных правил обусловлено социальным контекстом, то им свойственны дефекты неопределенности, статичности и неэффективности. На устранение этих дефектов направлены вторичные правила или высказывания о первичных правилах, приносящие в социальный порядок элементы того, что свойственно именно праву. Например, дефект статичности устраняется «правилом изменения», вводящим в правовой дискурс новые правила (Там же: 99).

Следовательно, специфика правового дискурса в контексте функции «отменяемости» правовых понятий обнаруживается в том, что он не только представляет собой комбинацию первичных и вторичных правил, но и эксплицирует содержание специфических правовых концептов — общих понятий правового дискурса. Назначение последних состоит в том, чтобы сообщать большой группе людей единые для всех правила, образцы и принципы, являющиеся основным инструментом социального контроля. Как пишет Харт, общие классифицирующие слова используются во всех известных системах права: в континентальном праве — в большей, в прецедентном праве — в меньшей степени. Будучи закрепленными в законодательстве, они представляют собой описания, которые должны гарантировать правомерность поведения как в настоящем, так и в будущем. Для этого нужно только «распознавать случаи, выраженные в ясных словесных терминах, чтобы “подвести” отдельные факты под общие классификационные понятия и сделать простое силлогическое заключение» (Харт, 2007: 128). В прецедентном праве подобные описания выражают авторитетные примеры. Однако, вследствие открытости структуры юридического языка, прецеденту и законодательству в равной степени свойственна «неопределенность в пограничных случаях — это цена, которую приходится платить, чтобы использовать общие классифицирующие термины в любой форме сообщения, касающегося фактов» (Там же: 130).

Открытость структуры языка права обуславливает тот факт, что «законодатель часто вынужденно использует прием неопределенных формулировок (т.н. «каучуковых» норм, правовых принципов, целевых норм-программ и т.п.) для того, чтобы распространить действие закона на круг неизвестных ему ситуаций, которые потенциально могут возникнуть. Все это определяет значительную сферу усмотрения правоприменителя и, соответственно, открывает возможности влияния массы факторов, несводимых к правовому предписанию» (Кашанин, 2013: 22). Конечно, общие понятия остаются важным языковым ресурсом, обеспечивающим предсказуемость и единообразие правоприменения. Их значения уточняются в контексте того способа, каким общие понятия соотносятся с имеющимися правилами.

А в неясных, спорных случаях они «приспосабливаются» к конкретным правовым случаям и речевым ситуациям.

Таким образом, обобщая анализ таких функций, как смыслообразование, нормативная и конструктивная функции, формализация и «отменяемость» правовых понятий, можно утверждать, что правовому дискурсу присуща ограниченная открытость. При этом возникает вопрос о допустимых пределах ограниченной открытости, поскольку может быть несколько «предсказуемых комбинаций релевантных факторов... и это вносит относительную неопределенность в нашу исходную цель — справедливую цену или безопасную систему...» (Харт, 2007: 134). Необходимость решения этого вопроса предполагает исследование влияния правового дискурса на представления о социальном порядке в логическом аспекте, с учетом того, что правовой дискурс подчиняется последовательности мыслительных операций. Как отмечали Бергер и Лукман, «логика свойственна не институтам и их внешней функциональности, но способу рефлексии по их поводу. Иначе говоря, рефлектирующее сознание переносит свойство логики на институциональный порядок. Язык предусматривает фундаментальное наложение логики на объективированный социальный мир» (Бергер, Лукман, 1995: 108).

Логика конституирования представлений о социальном порядке и прагматика правового дискурса

Специфика правового дискурса состоит в том, что в основании всегда обнаруживается определенная стратегия аргументации. «Генетическим кодом» западноевропейского правового дискурса принято считать аристотелевскую формальную логику. И хотя Аристотель создал два вида логик: формальную логику и диалектику, в древнеримском праве предпочтение было отдано аподиктическому доказательству, в котором рассуждения строятся на очевидно истинных посылах и обеспечивают необходимые и достаточные условия получения достоверных решений (выводов). Именно она затем развивалась различными школами глоссаторов, а также была инкорпорирована в современное юридическое образование и в практику правоприменения в качестве стандарта юридической техники (Тарасов, 2011: 641–648).

В начале XX века в рамках естественного права и философии права сформировалась точка зрения, согласно которой формальная логика может претендовать лишь на опосредованное значение для реальной практики правоприменения. Так, критикуя аристотелевскую логику за «формализм» и «буквализм», Харт писал, что она непригодна для толкования терминов и высказываний, бесполезна при анализе частных случаев. В случае необходимости толкования оснований судебных решений она также не подходит, ведь «судья должен применять норму к конкретному случаю, например, норму, запрещающую перемещать украденное «транспортное средство» (скажем, самолет) за пределы государственной границы. Он либо не видит, либо предпочитает не видеть, что общие термины этой нормы могут

быть истолкованы по-разному и что он стоит перед неограниченным выбором, предоставленным ему лингвистическими конвенциями. Он игнорирует либо не замечает тот факт, что находится в полутени и имеет дело не со стандартным случаем. Вместо того чтобы делать выбор, руководствуясь социальными целями, судья фиксирует значение слова иным путем. Он либо выбирает значение, которое наиболее очевидным образом предлагает обычный неюридический контекст обычному человеку, либо значение, следующее из какого-либо другого юридического контекста, либо, что еще хуже, он пытается придумать обычное толкование и произвольно выделяет ряд признаков...» (Харт, 2005: 120–121). Как следствие, если судья и применяет формальную логику, то только «задним числом», когда необходимо оформить решения в виде прецедентного документа.

В качестве поддержки критической позиции в отношении формальной логики можно привести следующие доводы:

1) дедуктивный способ мышления ошибочен, так как представляет процесс осуществления права как всецело внеисторический, где ничего не происходит (Кауфманн, 2013: 213);

2) законы логики и нормы права различаются по своей семантической природе: правовые нормы инкорпорированы в прескриптивный дискурс, так как они предписывают определенный порядок действий и меру ответственности в случае его нарушения; а законы логики рационализируют правовой дискурс, описывают порядок действий, но ни к чему не обязывают (Вригт фон, 1986: 293);

3) право содержит большое количество примеров исключений из норм, которые вводятся в правовой дискурс дедуктивным методом, исходя из какой-либо аксиомы, установки или принципа. «Эти исключения обусловлены другими установками, принципами и другими аксиомами, многочисленность, взаимопроникновение, а иногда запутанность, большая или меньшая напряженность которых делают невозможным выражение позитивного права в математической форме» (Бержель, 2000: 469);

4) поскольку «усилия юристов... были направлены на примирение техники юридических суждений со справедливостью, или, по крайней мере, на обеспечение социальной приемлемости решения... то уже одной такой установки достаточно, чтобы ясно увидеть несовершенство с точки зрения права чисто формального суждения, которое может довольствоваться контролем за корректностью выводов, не затрагивая вопроса о ценности заключения» (Perelman, 1979; цит. по: Бержель, 2000: 472).

Предложенных аргументов достаточно, чтобы признать справедливость мысли С. С. Алексеева о том, что требуется новый порядок (уровень) логики права, благодаря которому раскроются «новые, глубокие пласты юридической материи, в том числе — те, которые характеризуют право в движении, в процессах, где отдельные правовые явления сцепляются, синтезируются и где на первое место выступают... своеобразные черты права» (Алексеев, 2011: 520). Следовательно, необходима такая логика, которая бы представляла собой пересмотр понимания правового дискур-

са как закрытой системы верифицированных суждений и позволяла обнаружить в ментальных структурах правового дискурса отношения между имманентными свойствами фактов и правовыми нормами. Примером логической теории, соответствующей этим условиям, является логика отношений А. Кауфманна, которая представляет собой синтез диалектики Аристотеля, реляционной логики Ч. Пирса и логической матрицы практики судейского права.

В основании логики Кауфманна лежат следующие отрицательные посылки:

- 1) право — это не субстанция;
- 2) право — это не простое соответствие нормам закона;
- 3) закон суть не-диспозитивен (текст закона не самодостаточен, а детерминирован процессом и принимаемыми решениями);
- 4) нельзя сказать, что метод образования права дедуктивный или индуктивный.

Следуя принципам диалектики Аристотеля, Кауфманн не выводит из отрицательных посылок антитезис, а предлагает третий путь — логику отношений, в основе которой лежит абдукция или вероятностный силлогизм⁷. Его специфика состоит в том, что вывод — это представления об объекте, а посылками являются практические следствия из признания релевантности вывода. То есть основаниями вероятностного силлогизма являются факты, а не некие предзаданные теоретические положения. Последние если и необходимы, то только для объяснения фактов (Кауфманн, 2013: 216). Преимущество такого логического метода состоит в том, что он конгруэнтен процедурам правоприменения, представленным, по мнению Кауфманна, актами конструкции и интерпретации: «С одной стороны, необходимо конструирование дела, выработка особенностей этого дела в свете нормы; другими словами, формирование юридически значимого положения дел (Sachverhalt). С другой стороны, интерпретация норм требует на самом деле их конкретизации в свете частного случая, формирования нормативного каркаса, к которому можно приспособить реальность (Tatbestand). Посредством обоих актов конструкции и интерпретации, которые не следуют во времени друг за другом, но, скорее, совпадают в отношении взаимообусловливания, соответствия случая и нормы в форме фактического и правового, нормативный каркас Sachverhalt и Tatbestand завершен» (Кауфманн, 2013: 216–217). Как следствие, отношение соответствия между положением дел и нормой устанавливается не заранее, а создается в процессе правового дискурса, в котором «созидание юридически значимого каркаса фактов и каркаса нормативного, “положения дел” и “юридического состава” связано с... абдукцией» (Там же: 217).

Так как в основе правового дискурса лежит «мышление в терминах случая», то его структура должна соответствовать следующей формуле: «Отношение “П” (право) есть отношение между “х” (делом) и “у” (нормой), которое только тогда удовлетворительно, когда высказывание xPu истинно» (Кауфманн, 2013: 219).

7. Следует отметить, что логика отношений Кауфманна представляет собой интерпретацию реляционной логики Ч. Пирса, адаптированную к специфике права.

Другим словами, отношение между фактами и нормой представляет собой конфигурацию, которая дает возможность рассматривать частные случаи в качестве референтов правового дискурса и выявлять фактические основания решений, принимаемых в результате демонстрации его содержания. Будучи объективированным в понятиях и объяснительных схемах, правовой дискурс становится фактором, конституирующим представления о социальном порядке.

С помощью методологии дискурс-анализа исследуются конкретные проявления конфигурации (или логико-семантического отношения) фактов и норм, которые прямо или косвенно касаются представлений о социальном порядке. Например, в работе Э.К. Келли и М.С. Крэндалл показано, как институциональные и неинституциональные дискурсы, отражающие проблемы политики США в области управления лесными ресурсами, «производят управляемую реальность», «ограничивают сферу возможного» и устанавливают «границы действия». Благодаря этому они непосредственно влияют на представления о социальном порядке, а именно на разработку моделей решения проблемы достижения баланса между нормативно определенными правами частной собственности и ресурсами общественного доверия (Kelly, Crandall, 2022).

Не менее интересным и значимым вариантом неклассической логики, определяющей конституитивность правового дискурса в отношении представлений о социальном порядке, является семантическая логика эквивалентности и различий Эрнесто Лаклау и Шанталь Муфф. Поскольку ее авторы стремились «найти диалектику вещей в логике понятий», то на первый взгляд может показаться, что предлагаемая ими концепция подобна диалектической логике Г.В.Ф. Гегеля. Однако, как утверждают Лаклау и Муфф, они опирались на философию деконструкции Ж. Деррида. Поэтому их логика является «перевернутой»: начинается с констатации различий, а не тождеств, как у Гегеля. Кроме того, гегелевское спекулятивное «снятие» противоречий заменяется «рассеиванием» или «регулярностью дисперсии» различных субъективных позиций внутри дискурсивной формации (Laclau, Mouffe, 2001: 109). В результате им удалось создать достаточно оригинальную теорию дискурса, которая долгие годы, начиная с 1990-х годов, остается востребованной. Она с успехом применяется в эмпирических исследованиях дискурсивных практик в контексте различных социальных процессов. Кроме того, как будет показано ниже, ее базовые принципы обнаруживаются и в современном дискурсе западноевропейской политики в области прав человека и правозащитной деятельности.

Главной теоретической предпосылкой логики Лаклау и Муфф является положение о том, что антагонистические границы общества служат препятствием его окончательного конституирования (Laclau, Mouffe, 2001: 128). Поэтому общества как объективной реальности не существует. Реальны лишь значения и представления, благодаря которым появляется возможность рассуждать о его существовании. Именно в этом контексте следует понимать следующую дескрипцию дискурса: «...Мы будем называть *артикуляцией* любую практику, устанавливающую

отношение между элементами таким образом, что их идентичность изменяется в результате артикуляционной практики. Структурированную тотальность, возникающую в результате артикуляционной практики, мы назовем *дискурсом*. Дифференциальные позиции, в той мере, в какой они проявляются в дискурсе, мы будем называть *моментами*. В противоположность этому мы будем называть *элементом* любое различие, которое не артикулировано дискурсивно» (Laclau, Mouffe, 2001: 105). Как видим, в этом определении дискурса представлены общее его понимание и структура. Она подобна «рыболовецкой сети» (М.В. Йоргенсен, Л.Дж. Филиппс), состоящей из двух видов различий или дифференциальных позиций: моментов и элементов. Они и образуют исходную ипостась дискурса — логику различий.

Что касается эквивалентности или отношения идентичности конкретной совокупности смыслов, то она является другой ипостасью дискурса, сущность которой определяют следующие положения:

1) это не умозрительный принцип, а регулярность системы структурных позиций внутри дискурса (Laclau, Mouffe, 2001: 106);

2) поскольку тотальности или универсальности в действительности не существует, то отношение эквивалентности следует считать символическим выражением недостижимой полноты (Laclau, 2005: 71);

3) эквивалентности свойственно временно соединять значения дискурса посредством «неприятя исключенной идентичности» и установления господствующей идентичности, которая «становится чем-то вроде пустого означающего» (Laclau, 2005: 70–71);

4) состояние эквивалентности означает, что в определенный момент времени дискурс существует в статусе замкнутого пространства, «где каждое дифференциальное положение фиксируется как определенный невосполнимый момент» (Laclau, Mouffe, 2001: 127).

Условность и относительность эквивалентности определяют проблематичность ее «удержания». Эта особенность эквивалентности объясняется присущим ей противоречием: с одной стороны, для того, чтобы моменты как дифференциальные позиции дискурса уравновешивали друг друга, специфика каждого из них должна быть растворена; а с другой — различия должны уметь сохранять идентичность и фиксированный смысл, чтобы ансамбль дифференциальных позиций мог образовывать цепочку эквивалентности. Кроме того, как внутри, так и за пределами дискурса существуют элементы как знаки с многочисленными значениями. Различия с полисемией также «подрывают» замкнутость дискурса и создают условия для его неопределенности и изменчивости.

Для восстановления расчлененной дискурсивной структуры требуется трансформировать противоречия между идентичностями и дифференциальными позициями в противоположность, а также редуцировать полисемию элементов до моментов дискурсивной целостности. Такое упрощение осуществляется благодаря артикуляционной практике, которая реализуется «в построении узловых точек,

частично фиксирующих смысл, а частичный характер этой фиксации проистекает из открытости социального, являющегося, в свою очередь, результатом постоянного переполнения всякого дискурса бесконечностью поля дискурсивности» (Laclau, Mouffe, 2001: 113). Результатом артикуляции является рассеивание различий или «ниспровержение» границ между элементами и моментами. Таким образом устанавливается условная эквивалентность, закрытость которой является следствием неконститутивности и случайности системы различий. Как резюмируют Лаклау и Муфф, «окончательный характер этого непостоянства, предельная ненадежность всякого различия проявляются в отношении полной эквивалентности, где дифференциальная положительность всех его членов растворяется» (Laclau, Mouffe, 2001: 128).

Следует отметить, что семантическая логика Лаклау и Муфф соответствует положениям постструктуралистских теорий права. А последствия деконструкции, лежащей в ее основе, можно обнаружить в современных представлениях о социальном порядке. Последние, закрепляясь в когнитивных сценариях и моделях поведения, оказывают влияние на правовую политику и практику правоприменения. В частности, в настоящее время все чаще подвергается сомнению эквивалентность (универсальность) либерального правового дискурса. Свидетельства этого нового тренда можно обнаружить в усилившейся критике международных стандартов правозащитной деятельности, методов формирования и распространения представлений о мировом порядке. Как справедливо указывает А. В. Щипков, на сегодня либеральная концепция «врожденных» прав и свобод является догматической доктриной и универсальной идеологией, которая якобы не нуждается ни в научной верификации, ни в нравственно-религиозной. Поэтому в этом качестве она служит тормозом на пути усовершенствования социальных институтов в эпоху начавшейся деглобализации (Щипков, 2024: 17–28).

Однако приходится признать, что критика либерального правового дискурса является скорее исключением из правила. Это объясняется тем, что правовые и политические системы Западной Европы и США нацелены на противодействие любым идеологическим альтернативам. При этом средства защиты от угроз устойчивости либерального правового дискурса заложены в основании его логики. Для доказательства этого утверждения достаточно обратиться к некоторым примерам западноевропейского правового дискурса 1990-х годов.

Так, по мнению А. Дж. Б. де Кармона, исходная структурированная тотальность либерального правового дискурса образована дифференциальными позициями государство/индивид, глобальный правовой порядок/локальный правовой порядок. Устойчивость этих различий обусловлена социальными сдвигами, «которые предлагают проекты с постмодернистским содержанием: экология вместо индустриализации, досуг вместо производства, сексуальное равенство вместо сексуальной гетерогенности, эстетика вместо этики...» (Кармон де, 1998: 123). При этом указанные дифференциальные позиции являются реальными оппозициями (противоположностями), а не логическими противоречиями. Это обстоятельство

особенно важно потому, что противоречия (А — не-А) исключают реальность друг друга, в то время как противоположности (А — В) обладают собственной позитивностью, порождающей нечто третье в качестве актуализированной эквивалентности (Laclau, Mouffe, 2001: 122–125, 128). В частности, если права отдельных лиц и консолидированных социальных агентов на производство и легитимацию юридических норм противопоставить монополии государства на законность, то возникает возможность для появления третьей внешней силы, уполномоченной устанавливать между ними паритет и в случае необходимости прибегать к принуждению.

В следующем примере либерального правового дискурса — в работе Р.П. Черчилля представлены основные этапы развития международного права и защиты прав человека, начиная с Всеобщей декларации прав человека (1948 г.) и заканчивая Международным трибуналом в Югославии (1993 г.). Анализ этого дискурса показывает, что его содержание подчинено логике эквивалентности и различий. Как показывает Черчилль, Всеобщая декларация прав человека неоднократно подвергалась трансформации в 1970–1990-е годы. Она дополнялась новыми нормами, привносящими в ее исходную концептуальную целостность дополнительные семантические элементы: делегирование надзора за правами человека негосударственным организациям (например, «Международной амнистии»), подмена государственного суверенитета представлениями о географических границах государства, требование международной помощи (вмешательство) в защите прав человека при чрезвычайных ситуациях и др. (Черчилль, 1998: 293). В течение многих лет эти понятия дискурсивно артикулировались, распространялись СМИ, способствуя адаптации людей к новым параметрам социального порядка. Перспективы этих изменений Черчилль описывает следующим образом: «Чем дальше революционизируется международный закон, тем больше ООН устраняет противоречия государственной системы, соединяя фундаментальные принципы государственного суверенитета и право использования силы для сохранения коллективной безопасности» (Черчилль, 1998: 294).

На практике эти изменения в правовом дискурсе привели к тому, что первичные значения норм международного права «рассеялись», превратив понятия «права человека», «государственный суверенитет» и «право на самоопределение» в пустые означающие. В результате были созданы условия для «события водораздела», а именно для быстрого дробления «больших национальных государств на более малые однородные национальные образования, как, например, в бывшей Югославии и в СНГ» (Черчилль, 1998: 294). А триггером этого события явилось введение резолюциями ООН норм, устанавливающих «бесполетные зоны», условия предоставления убежища, методы принуждения и пр. Эти новые дифференциальные позиции Черчилль рассматривает как посягательства на «атавистически стабильную систему» государства, которые «могут быть подкреплены идентификацией и кодификацией объективного критерия для вмешательства обоих трибуналов ООН и наиболее сильных правовых комиссий» (Черчилль, 1998: 298–299). Прак-

тическая результативность подобного правового дискурса доказывается, по его мнению, беспрецедентной скоростью распада СССР и Югославии, а также отсутствием реального противодействия санкциям и бойкотам.

Таким образом, доминирование либерального правового дискурса развивалось в следующей логической последовательности: ожидания и убеждения, накапливаясь как цепи случайных различий (элементы дискурса), превращались в моменты артикуляции, которые, в свою очередь, путем рассеивания и деконструкции различий создали предпосылки для актуализации исходной эквивалентности дискурса международного права. Последняя, дополняясь инновациями дифференциальных позиций, способствовала актуализации социальных представлений о новом мировом порядке. По мнению Черчила, это должна быть «новая статья договора» или согласия между людьми, который принципиально отличается от заключения договора между государствами. «В этом новом соглашении человеческие права, а не территориальная сила, признаются правящими, и правительства существуют для упорядочивания полноценного развития автономии личности» (Черчилль, 1998: 297).

Представленная логика правового дискурса является одним из главных факторов устойчивости либеральной правовой политики. Несмотря на то что эти ее результаты зачастую являются бесчеловечными и предельно разрушительными, продолжается деконструкция модернистских представлений о социальном порядке. Однако в правовом дискурсе все чаще наблюдаются заявления о необходимости конституирования новой цепочки эквивалентности, строятся предположения о том, с какими представлениями о социальном порядке она будет коррелировать⁸. Думается, что по мере обострения конфронтации между национальными и транснациональными (международными) институциями будет усиливаться отождествление социального порядка с государственным правопорядком. При этом последний следует рассматривать не как абстрактную модель, а как состояние конкретного общественного устройства со своими культурно-историческими особенностями.

Таким образом, при решении вопроса о процессах и условиях влияния правового дискурса на формирование представлений о социальном порядке целесообразно различать институциональный правовой дискурс (юридический) и неинституциональный правовой дискурс. Рассмотрение их в контексте лингвистического и логического аспектов позволяет сформировать концептуальный подход, объясняющий механизмы этого влияния. При этом лингвистический аспект, предполагающий вы-

---

8. Например, в настоящее время наблюдается раскол либерального правозащитного общества на адептов прав и свобод отдельного индивида и сторонников борьбы против дискриминации малых социальных групп. Позиция последних оказалась настолько влиятельной, что во многих странах Европы и США появились законы, закрепляющие права по политическим, конфессиональным, сексуальным и иным группообразующим признакам. Одновременно с усилением дифференциации между лагерями правозащитников формируется ориентация на единство права и блага, свободы и блага, индивидуальных и общественных благ, что, по мнению В. Г. Федотовой, должно привести к формированию новой эквивалентности — новой теории капитализма (Федотова, 2005: 486).

деление языковых функций (смыслообразование, нормативная и конструктивная функции, формализации и функция «отменяемости» правовых понятий), является общим для всех видов дискурса. Исследование правового дискурса в логическом аспекте показало, что его виды различаются по степени детерминированности и регламентированности. Так, юридический дискурс с некоторыми условиями подчинен принципам формальной логики. В то время как неинституциональный правовой дискурс в большей степени соответствует принципам семантической логики (логика отношений, логика эквивалентности и различий). В первом случае логика определяет структуру и условия демонстративности правового дискурса, а во втором — отвечает за соблюдение принципов отбора и сохранения релевантности понятий.

Кроме того, результаты исследования определяют условия влияния правового дискурса на формирование представлений о социальном порядке:

1) правовой дискурс является инфраструктурным элементом правового регулирования;

2) правовой дискурс является разновидностью коммуникативной практики, в ходе которой достигается консенсус в понимании того, что следует считать социальным порядком, а также какие институциональные и неинституциональные условия необходимы для предотвращения глобального хаоса;

3) диалектика лингвистической открытости и логической закрытости правового дискурса определяет условия формирования коммуникативных стратегий и соответствующих им логических схем конституирования убеждений, идеологических установок и знаний о социальном порядке.

Литература

- Алексеев С. С. (2011). Тайна и сила права // Российский ежегодник теории права. 2009. № 2. СПб.: Издательский Дом СПбГУ. С. 514–584.
- Батеева М. В. (2013). Язык и право. Казань: Отечество.
- Батюшкина М. В. (2022). Дискурсивные доминанты законотворчества. М.: РОО ГЛЭДИС.
- Бауман З. (2005). Индивидуализированное общество / Пер. с англ., под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Логос.
- Бергер П., Лукман Т. (1995). Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Пер. с англ. Е. Д. Руткевич. М.: Медиум.
- Бержель Ж.-Л. (2000). Общая теория права / Под общ. ред. В. И. Даниленко; пер. с фр. М.: Издательский дом NOTA VENE.
- Бовина И. Б., Дворянчиков Н. В., Мельникова Д. В., Лаврешкин Н. В. (2022). К вопросу об исследовании социальных представлений: взгляд со стороны // Социальная психология и общество. Т. 13. № 3. С. 8–25.
- Варга К. (2011). Право, юридический процесс и судебское сознание / Пер. с англ. И. С. Бедриной, Д. Б. Бушмеловой // Российский юридический журнал. № 4. С. 14–24.

- Виноградов И. А.* (2018). Свойства, функции и языковые черты юридического дискурса // *Вестник Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. Сер. А. Гуманітарныя навукі (гісторыя, філасофія, філалогія).* № 1 (51). С. 124–129.
- Волков А. А.* (2019). Правовой дискурс как объект социально-философского познания // *Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Сер. № 3: Гуманитарные и общественные науки.* № 2. С. 28–36.
- Вригт Г. Х. фон* (1996). *Нормы, истина и логика* // *Вригт Г. Х. фон. Логико-философские исследования: Избранные труды* / Пер. с англ. П. И. Быстровой. М.: Прогресс. С. 290–410.
- Гарашко А. Ю.* (2020). Правовой дискурс как интегративный фактор формирования метасистемы права // *Вестник Московского университета МВД России.* № 4. С. 19–23.
- Кармона А. Дж. Б. де* (1998). Постмодернизм, политическая философия и философия закона // *Александров А. И., Кузнецов Э. В. Вызов закону XXI века: Сборник статей.* М.: Граница. С. 117–125.
- Касаткин С. Н.* (2023). Идея лингвистической «открытости» права в современном юспозитивизме: пределы юридической техники // *Журнал юридической антропологии и конфликтологии.* № 3 (4). С. 52–64.
- Кауфманн А.* (2013). Предварительные замечания по поводу правовой логики и онтологии отношений: основы правовой теории, базирующейся на понятии персоны / Пер. с англ. А. В. Стовбы // *Известия высших учебных заведений. Правоведение.* № 6. С. 210–226.
- Кашанин А. В.* (2013). Неопределенность права и усмотрение правоприменителя как ограничители использования централизованных методов регулирования // *Вопросы государственного и муниципального управления.* № 4. С. 19–36.
- Кондуров В. Е.* (2023). «Тирания ценностей» Карла Шмитта в контексте спора о природе конституционных прав // *Социологическое обозрение.* Т. 22. № 3. С. 96–124.
- Косоногова О. В.* (2015). Характеристики юридического дискурса: границы, содержание, параметры // *Историческая и социально-образовательная мысль.* Т. 7. № 1. С. 61–68.
- Лаклау Э.* (2003). Невозможность общества / Пер. с англ. А. Смирнова // *Логос.* № 4–5 (39). С. 54–57.
- Лукач Д.* (1991). *К онтологии общественного бытия. Прологомены* / Пер. с нем., общ. ред. и вступ. ст. И. С. Нарского и М. А. Хевеши. М.: Прогресс.
- Луман Н.* (2004). *Общество как система* / Пер. с нем. А. Ю. Антоновский. М.: Логос.
- Малахов В. П.* (2002). *Философия права: Учебное пособие.* М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга.
- Московичи С.* (1995). Социальные представления: исторический взгляд / Пер. с фр. Т. П. Емельяновой // *Психологический журнал.* Т. 16. № 2. С. 3–14.
- Оглезнев В. В., Суровцев В. А.* (2013). Аналитическая философия права Г. Харта и правовой реализм // *Известия высших учебных заведений. Правоведение.* № 4 (309). С. 134–147.

- Палашевская И. В.* (2010). Функции юридического дискурса и действия его участников // *Известия Самарского научного центра РАН*. Т. 12. № 5 (2). С. 535–540.
- Парсонс Т.* (1993). Понятие общества: компоненты их взаимоотношения / Пер. с англ. Н. Л. Поляковой // *THESIS*. Вып. 2. С. 94–122.
- Попов М. Ю., Мартыненко В. В., Мартыненко С. В., Кареева С. Г.* (2023). Социальный порядок: структура и факторы, его определяющие // *Caucasian Science Bridge*. Т. 6. № 3 (21). С. 150–159.
- Тарасов Н. Н.* (2011). Юридическая наука: границы и проблемы самоопределения (методологические эскизы) // *Российский ежегодник теории права*. 2009. № 2. СПб.: Издательский дом СПбГУ. С. 627–663.
- Тимошина Е. В.* (2023). «Тирания ценностей» как «воля к власти»: к генеалогии и последствиям ценностного дискурса в правосудии // *Социологическое обозрение*. Т. 22. № 3. С. 125–146.
- Федотова В. Г.* (2005). *Хорошее общество*. М.: Прогресс–Традиция.
- Федулова М. Н.* (2015). Юридический дискурс как социокультурный и языковой феномен: уровни научной интерпретации // *Филологические науки в МГИМО*. № 4. С. 47–59.
- Фуко М.* (1996). *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности*. Работы разных лет / Пер. с фр. С. В. Табачниковой. М.: Касталь.
- Харт Г. Л. А.* (2005). Позитивизм и разграничение права и морали / Пер. с англ. В. В. Архипова // *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. № 5. С. 102–136.
- Харт Г. Л. А.* (2007). *Понятие права* / Пер. с англ.; под общ. ред. Е. В. Афонасина, С. В. Моисеева. СПб.: Издательство С.-Петербург. ун-та.
- Харт Г. Л. А.* (2017). Приписывание ответственности и прав / Пер. с англ. В. В. Оглезнева, В. А. Суровцева // *Харт Г. Л. А. Философия и язык права*. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация». С. 27–52.
- Хомутова Т. Н., Шефер Е. А.* (2019). Юридический дискурс: проблемы и перспективы исследования // *Вестник Южно-Уральского государственного университета*. Серия: Лингвистика. Т. 16. № 3. С. 44–53.
- Черчилль Р. П.* (1998). Вызов закону в конце XX века: изменение международного закона о геноциде и преступление против человечества // *Александров А. И., Кузнецов Э. В.* Вызов закону XXI века: Сборник статей. М.: Граница. С. 293–299.
- Щипков А. В.* (2024). Кризис теории и практики правозащитного действия // *Вопросы философии*. № 7. С. 17–28.
- Engberg. J.* (2010). Knowledge construction and legal discourse: The interdependence of perspective and visibility of characteristics // *Journal of Pragmatics*. № 42 № 1. P. 48–63.
- Kelly E. C., Crandall M. S.* (2022). State-level forestry policies across the US: Discourses reflecting the tension between private property rights and public trust resources // *Forest Policy and Economics*, no 4. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1389934122000697> (дата доступа: 16 may 2024).
- Laclau E.* (2005). *On populist reason*. London, New York: Verso.

Laclau E., Mouffe C. (2001). *Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics*. London, New York: Verso.

Luhmann N. (2004). *Law as Social System*. New York: Oxford University Press.

Searle J. R. (2010). *Making the Social World: the structure of human civilization*. New York: Oxford University Press.

Wagner W. (1996). Queries about social representation and construction // *Journal for the theory of social behavior*. Vol. 26. № 2. P. 95–120.

Conditions of Influence of the Legal Discourse on the Formation of Representations of Social Order: Linguistic and Logical Aspects

Marina Pantykina

Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Head of Scientific-Educational Work, Humanitarian-Pedagogical Institute, Togliatti State University

Address: Belorusskaya str., 14, Togliatti, Samara Region, 445020 Russian Federation

E-mail: pantykina@tlttsu.ru

The article analyzes the conditions under which legal discourse affects the development of concepts concerning social order in the context of conflict-prone modern legal policy. The particular nature of this impact is determined by the form of legal discourse, as well as the linguistic and logical dimensions of legal communication. In the first section of the article, the authors provide a series of descriptive definitions for the concepts of legal discourse, social representations and social order. These definitions are accompanied by the thorough exposition of relationships between these concepts. The result of this analysis is a systematization of approaches to understanding these social phenomena. The authors then proceed to identify the main directions of legal discourse's influence on the formation of ideas about social order, distinguishing between its institutional (legal) and non-institutional forms. The second part of this study explores the linguistic aspect of this influence, focusing on the inherent linguistic functions of legal discourse. These functions include semantic formation, normative and constructive functions, formalization and the function of a legal concept's "cancellability". These functions play a crucial role in shaping collective perceptions of social order. The third part argues that the content of legal discourse is determined by the selection of a logical strategy that establishes particular conditions for the development of concepts concerning social order. Thus, classical legal discourse, which is governed by formal logic, aligns with the modernist perspective. Conversely, non-classical and poststructuralist discourses introduce alternative versions of semantic logic: the logic of relations and the logic of differences and equivalences. The theoretical and methodological potential of the logic of equivalences and differences is demonstrated through the analysis of examples from the liberal legal discourse of the 1990-s, also the consequences of this discourse's influence on the formation of modern worldviews are examined.

Keywords: legal discourse, social representations, social order, language functions, logic of relations, logic of differences, logic of equivalence.

References

Alekseev S. (2011) Tajna i sila prava [The mystery and power of law]. *The Russian Yearbook of the Theory of Law*, 2009, no 2, St. Petersburg: Izdatel'skij Dom SPbGU, pp. 514–584.

- Bateeva M. (2013) *Jazyk i pravo* [Language and law], Kazan': Izdatel'stvo «Otechestvo».
- Batyushkina M. (2022) *Diskursivnye dominanty zakonotvorchestva* [The discursive dominants of lawmaking], Moscow: ROO GLADYS.
- Bauman Z. (2005) *Individualizirovannoe obshchestvo* [Individualized society] (trans., ed. V. Inozemtsev), Moscow: Logos.
- Bergel J.–L. (2000) *Obshhaja teorija prava* [General theory of law] (ed. V. Danilenko), Moscow: Izdatel'skij dom NOTA BENE.
- Berger P., Lukman T. (1995) *Social'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sociologii znaniya* [The social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge] (trans. E. Rutkevich), Moscow: Medium.
- Bovina I., Dvoryanchikov N., Melnikova D., Lavreshkin N. (2022) K voprosu ob issledovanii social'nyh predstavlenij: vzgljad so storony [On the issue of the study of social representations: a view from the outside], *Social Psychology and Society*, vol. 13, no 3, pp. 8–25.
- Carmona De A. (1998) Postmodernizm, politicheskaja filosofii i filosofija zakona [Postmodernism, political philosophy and philosophy of law]. *Vyzov zakonu XXI veka: Sbornik statej* [Challenge to the law of the XXI century: Collection of articles] (eds. A. Alexandrov, E. Kuznetsov), Moscow: Granica, pp. 117–125.
- Churchill R. (1998) Vyzov zakonu v konce HH veka: izmenenie mezhdunarodnogo zakona o genocide i prestuplenie protiv chelovechestva [The challenge to the law at the end of the twentieth century: changing the international law on genocide and a crime against humanity] *Vyzov zakonu XXI veka: Sbornik statej* [Challenge to the law of the XXI century: Collection of articles] (eds. A. Alexandrov, E. Kuznetsov), Moscow: Granica, pp. 293–299.
- Engberg. J. (2010) Knowledge construction and legal discourse: The interdependence of perspective and visibility of characteristics. *Journal of Pragmatics*, no 42, no 1, pp. 48–63.
- Fedotova V. (2005) *Horoshee obshchestvo* [A good society], Moscow: Progress–Tradiciya.
- Fedulova M. (2015) Juridicheskij diskurs kak sociokul'turnyj i jazykovej fenomen: urovni nauchnoj interpretacii [Legal discourse as a socio-cultural and linguistic phenomenon: levels of scientific interpretation]. *Philological Sciences at MGIMO*, no 4, pp. 47–59.
- Foucault M. (1996) *Volja k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznyh let* [The Will to Truth: Beyond knowledge, power and sexuality. Works of different years] (trans. S. Tabachnikova), Moscow: Kastal'.
- Garashko A. (2020) Pravovoj diskurs kak integrativnyj faktor formirovanija metasistemy prava [Legal discourse as an integrative factor in the formation of a legal meta-system]. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, no 4, pp. 19–23.
- Hart G. (2005) Pozitivizm i razgranichenie prava i morali [Positivism and the differentiation of law and morality] (trans V. Arkhipov). *Izvestia of Higher Educational Institutions. Jurisprudence*, no 5, pp. 102–136.
- Hart G. (2007) *Ponjatje prava* [The concept of law] (trans., ed. E. Afonasin, S. Moiseev), St. Petersburg: Izdatel'stvo S.-Peterb. un-ta.
- Hart G. (2017) Pripisyvanie otvetstvennosti i prav [Attribution of responsibility and rights] (trans. V. Ogleznev, V. Surovtsev). *Filosofija i jazyk prava* [Philosophy and language of law], Moscow: Kanon+ ROOI «Reabilitacija», pp. 27–52.
- Kasatkin S. (2023) Ideja lingvisticheskoj «otkrytosti» prava v sovremennom juspozitivizme: predely juridicheskoi tehniki [The idea of linguistic “openness” of law in modern Uspositivism: the limits of legal technique]. *Journal of Legal Anthropology and Conflictology*, no 3 (4), pp. 52–64.
- Kashanin A. (2013) Neopredelennost' prava i usmotrenie pravoprimitelja kak ogranichiteli ispol'zovanija centralizovannyh metodov regulirovanija [Uncertainty of law and discretion of the law enforcement officer as constraints on the use of centralized regulatory methods]. *Issues of State and Municipal Management*, no 4, pp. 19–36.
- Kaufmann A. (2013) Predvaritel'nye zamechanija po povodu pravovoj logiki i ontologii otnoshenij: osnovy pravovoj teorii, bazirujushhejsja na ponjatii osoby [Preliminary remarks on the legal logic and ontology of relations: the foundations of a legal theory based on the concept of a person] (trans. A. Stovby). *Izvestia of Higher Educational Institutions. Jurisprudence*, no 6, pp. 210–226.

- Kelly E., Crandall M. (2022) State-level forestry policies across the US: Discourses reflecting the tension between private property rights and public trust resources. *Forest Policy and Economics*, no 4. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1389934122000697> (accessed: 16 may 2024).
- Khomutova T., Schaefer E. (2019) Juridicheskij diskurs: problemy i perspektivy issledovanija [Legal discourse: problems and prospects of research]. *Bulletin of the South Ural State University, ser.: Linguistics*, vol. 16, no 3, pp. 44–53.
- Kondurov V. (2023) «Tiranija cennostej» Karla Shmitta v kontekste spora o prirode konstitucionnyh prav [“The tyranny of values” by Karl Schmitt in the context of the dispute about the nature of constitutional rights]. *Russian Sociological Review*, vol. 22, no 3, pp. 96–124.
- Kosonogova O. (2015) Harakteristiki juridicheskogo diskursa: granicy, sodержanie, parametry [Characteristics of legal discourse: boundaries, content, parameters]. *Historical and Socio-educational Thought*, vol. 7, no 1, pp. 61–68.
- Lukacs D. (1991) *K ontologii obshchestvennogo bytiya. Prolegomeny* [Towards an ontology of social being. Prolegomena] (trans. I.S. Narsky, M.A. Hevesi), Moscow: Progress.
- Laclau E. (2005) *On populist reason*, London, New York: Verso.
- Laclau E., Mouffe C. (2001) *Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics*, London, New York: Verso.
- Laklau E. (2003) Nevozmozhnost' obshhestva [The impossibility of society] (trans. A. Smirnov). *Logos*, no 4–5 (39), pp. 54–57.
- Luhmann N. (2004) *Law fs Social System*, New York: Oxford University Press.
- Luhmann N. (2004) *Obshhestvo kak sistema* [Society as a system] (trans. A. Antonovsky), Moscow: Izdatel'stvo «Logos».
- Malakhov V. (2002) *Filosofija prava: Uchebnoe posobie* [Philosophy of Law: Textbook], Moscow: Akademicheskij proekt, Ekaterinburg: Delovaja kniga.
- Moscovici S. (1995) Social'nye predstavlenija: istoricheskij vzgljad [Social representations: a historical view] (trans. T. Yemelyanova). *Psychological Journal*, vol. 16, no 2, pp. 3–14.
- Ogleznev V., Surovtsev V. (2013) Analiticheskaja filosofija prava G. Harta i pravovoj realizm [G. Hart's Analytical Philosophy of Law and legal Realism]. *Izvestia of Higher Educational Institutions. Jurisprudence*, no 4 (309), pp. 134–147.
- Palashevskaya I. (2010) Funkcii juridicheskogo diskursa i dejstvija ego uchastnikov [The functions of legal discourse and the actions of its participants]. *Izvestiya Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, vol. 12, no 5 (2), pp. 535–540.
- Parsons T. (1993) Ponjatije obshhestva: komponenty ih vzaimootnoshenija [The concept of society: the components of their relationship] (trans. N. Polyakova). *THESIS*, vol. 2, pp. 94–122.
- Popov M., Martynenko V., Martynenko S., Karepova S. (2023) Social'nyj porjadok: struktura i faktory, ego opredel'ajushhie [Social order: structure and factors determining it]. *Caucasian Science Bridge*, vol. 6, no 3 (21), pp. 150–159.
- Searle J. (2010) *Making the Social World: the structure of human civilization*, New York: Oxford University Press.
- Shchipkov A. (2024) Krizis teorii i praktiki pravozashhitnogo dejstvija [The crisis of theory and practice of human rights action]. *Questions of philosophy*, no 7, pp. 17–28.
- Tarasov N. (2011) Juridicheskaja nauka: granicy i problemy samoopredelenija (metodologicheskie jeskizy) [Legal science: boundaries and problems of self-determination (methodological sketches)]. *The Russian Yearbook of the Theory of Law*, no 2, St. Petersburg: Izdatel'skij Dom SPbGU, pp. 627–663.
- Timoshina E. (2023) «Tiranija cennostej» kak «volja k vlasti»: k genealogii i posledstvijam cennostnogo diskursa v pravosudii [“The tyranny of values” as the “will to power”: towards genealogy and the consequences of value discourse in justice]. *Russian Sociological Review*, vol. 22, no 3, pp. 125–146.
- Varga K. (2011) Pravo, juridicheskij process i sudejskoe soznanie [Law, legal process and judicial consciousness] (trans. I. Bedrina, D. Bushmelova). *Russian Law Journal*, no 4, pp. 14–24.
- Vinogradov I. (2018) Svoystva, funkcii i jazykovye cherty juridicheskogo diskursa [Properties, functions and linguistic features of legal discourse]. *Bulletin of Mogilev State University named after A. A. Kulyashov. Ser. A. Humanities (history, philosophy, philology)*, no 1 (51), pp. 124–129.

- Volkov A. (2019) Pravovoj diskurs kak ob#ekt social'no-filosofskogo poznanija [Legal discourse as an object of social and philosophical cognition]. *Bulletin of the Perm State Humanitarian Pedagogical University*, ser. 3: Humanities and Social Sciences, no 2, pp. 28–36.
- Vrigt von G. (1996) Normy, istina i logika [Norms, truth and logic]. *Logiko-filosofskie issledovanija: Izbrannye trudy* [Logical and philosophical studies: Selected works] (trans. P. Bystrova), Moscow: Progress, pp. 290–410.
- Wagner W. (1996) Queries about social representation and construction. *Journal for the theory of social behavior*, vol. 26, no 2, pp. 95–120.